

Роберт БЛОХ

КЛАССИКА ЗЕРКАЛЬНЫХ МИРОВ

Это — «Золотая коллекция
черной литературы». Лучшие
из лучших мастеров «классического
хоррора» — от классики дьявольского
до «карташей ужасов» наших дней...

ПСИХО РАССКАЗЫ

Роберт Альберт Блох
ЕНОХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160122

Оригинал: Robert Bloch, "Enoch"

Роберт Блох

Енох

Каждый раз одно и то же. Сначала ты его чувствуешь. Представляете – по голове, по самой макушке, быстро-быстро семят малюсенькие ножки? Топ-топ, топ-топ, взад и вперед, без остановки... Так оно всегда начинается.

Ты ничего не видишь. Действительно, как можно разглядеть, что делается у тебя на голове? Решили схитрить, терпеливо подождали как ни в чем не бывало, а потом быстренько провели по волосам, чтобы стряхнуть непонятное существо? Нет, так просто его не поймаешь. Он все понимает. Прижмите обе руки к голове – даже так умудрится выскользнуть. А может, он умеет прыгать, кто его знает?

Понимаете, он ужасно быстрый. И даже не пытайтесь не обращать на него внимания. Если не помогает первая попытка, он делает вторую. Спускается по шее и начинает шептать всякие разности на ухо.

Вы чувствуете его, такое крохотное, холодное существо, тесно прильнувшее к самому мозгу. Коготки у него, наверное, выделяют какое-то обезболивающее средство, потому что вам совсем не больно. Но потом видишь на шее маленькие длинные царапинки, которые долго кровоточат. Ощущаешь только одно: ледяное тельце, все время давящее на затылок. Прижалось и постоянно шепчет, шепчет, шепчет.

Тут наступает решающий момент. Вы начинаете с ним бороться. Пытаетесь отвлечься, забыть о навязчивом шепоте, спорите. Потому что, если послушаете, все пропало. Придется делать то, что он велит.

Он такой хитрый, такой умный!

Он знает, как напугать, чем пригрозить, если осмелишься перечить. Но я-то больше почти не пробую. Для меня же лучше просто внимательно слушать, а потом молча исполнять, как сказано.

Пока не противишься шепоту, все не так уж плохо. Он ведь может быть таким убедительным, таким ласковым... То, что ты слышишь, так соблазнительно! Ох, чего он только не обещает, этот шелковый, мягкий шепоток!

Енох всегда выполняет свои обещания.

Здесь считают, что я бедный, ведь у меня никогда не водятся деньги и живу я в старой хижине у самого болота. Но он дает богатства почище людского злата!

Когда я выполняю то, что велит голос, в благодарность он вытаскивает меня из моего тела и уносит далеко-далеко на много дней. Понимаете, кроме нашего мира существует множество иных мест. Там я царствую.

Люди смеются надо мной, дескать, у меня нет друзей. Девчонки из города называли меня «пугалом». Но часто, после того, как я сделаю свое дело он приносит цариц разделить со мной ложе.

Просто сны, галлюцинации? Да нет, едва ли. Сон – это

жизнь в убогом домишке на краю болота; она больше не кажется мне взаправдашной.

Даже когда я убиваю...

Да, правда, я убиваю людей.

Вот чего хочет Енох, вот чего он требует, понимаете?

Вот о чем он шепчет все время. Он велит убивать для него.

Мне такое не нравится. Когда-то я даже с ним боролся, – ведь я вам уже говорил? – но теперь не могу.

В общем, он хочет, чтобы я убивал людей. Енох. Существо, живущее у меня на голове. Я не могу его увидеть. Не могу поймать. Только чувствую, слышу и повинуюсь голосу.

Иногда он оставляет меня в покое на несколько дней. Потом вдруг чувствую – вот он опять скребет по самому мозгу. И отчетливый шепот объясняет, что, кто-то снова идет к болоту.

Откуда он все это знает? Не спрашивайте у меня. Видеть он их не может, но всегда подробно описывает, и ни разу не ошибся.

– По Элисвортской дороге идет бродяга. Маленький толстый и лысый человек по имени Майк. На нем надеты коричневый свитер и голубая спецовка. Еще десять минут, и он свернет сюда. Когда солнце зайдет, остановится у большого дерева рядом со свалкой.

– Тебе лучше спрятаться за этим деревом. Подожди, пока он не начнет искать ветки для костра. Потом ты сам знаешь,

что нужно сделать. Быстрее иди за топором. Поторопись.

Иногда я спрашиваю Еноха, как он потом меня наградит. Но обычно просто доверяюсь его словам. Все равно ведь придется выполнить все, как он говорит. Так что лучше сразу приниматься за дело. Енох никогда не ошибается и каждый раз ограждает от всяких неприятностей.

По крайней мере, так было до сих пор. До того последнего случая.

Однажды вечером я сидел в своем домишке, ужинал, и вдруг он начал говорить о девушке.

– Она скоро придет к тебе, – шептал голосок. – Красивая девушка, вся в черном. У нее отличная голова – прекрасная кость. Просто прекрасная.

Сначала я подумал, что он говорит об одной из тех, кого дает мне в награду. Но Енох имел в виду обычного человека.

– Девушка придет сюда и попросит помочь починить машину. Она съехала с шоссе, чтобы попасть в город быстрее. Теперь она совсем близко, у нее спустила шина, надо поменять.

Смешно было слушать, как Енох рассуждает о всяких там колесах и покрышках. Но он знает и о них. Он все знает.

– Когда она попросит помощи, ты пойдешь с ней. Ничего с собой не бери. В автомобиле лежит гаечный ключ. Используй его.

Впервые за долгое-долгое время я попытался сопротивляться. Я стал скулить:

– Нет, я не стану ее убивать, не стану...

Он только засмеялся, а потом объяснил, что сделает, если я откажусь. Повторял снова и снова.

– Лучше я поступлю так с ней, а не с тобой. Или ты хочешь, чтобы...

– Нет! – быстро сказал я. – Нет-нет! Я согласен.

– Ты ведь знаешь, я тут ни при чем, просто не могу обойтись без этого, – прошептал Енох. – Время от времени приходится обо мне заботиться. Чтобы я остался жив и сохранил силу. Чтобы мог и дальше служить тебе, давать разные вещи. Вот почему меня надо слушаться. А если не хочешь, я останусь с тобой, и...

– Нет! Я не стану больше спорить.

Я сделал, как он велел.

Прошла всего пара минут, и раздался стук в дверь. Все произошло в точности, как он нашептал мне на ухо. Такая яркая, красивая девушка, блондинка. Мне нравятся блондинки. Когда я пошел с ней к болотам, меня радовало одно – не придется портить ей волосы. Я стукнул ее гаечным ключом сзади.

Енох подробно описал, как поступить потом, шаг за шагом.

Я немного поработал топором, а затем бросил тело в зыбучий песок. Енох не оставил меня, он объяснил насчет следов от каблуков, и я от них избавился.

Я беспокоился о машине, но он рассказал, как использо-

вать полусгнившее бревно, чтобы столкнуть ее в болото. Я зря боялся, что она не потонет, пошла ко дну как миленькая, и гораздо быстрее, чем можно было подумать.

С каким облегчением я смотрел, как скрывается в мутной жиже автомобиль! Ключ я тоже забросил в болото. Потом Енох велел мне идти домой, я так и сделал, и сразу почувствовал, как подступает приятная сонливость предвестник награды.

За эту девушку он пообещал что-то особенное, и я сразу погрузился в сон, чтобы поскорее получить, что заслужил. Почти не ощутил, что на голову больше не давит вес маленького тельца, потому что Енох оставил меня и прыгнул в болото за своей добычей.

Не знаю, сколько времени я проспал. Наверное, долго.... Помню только, что начал пробуждаться с неприятным чувством, что Енох вернулся и произошли какие-то неприятности.

Потом проснулся окончательно от громкого стука в дверь. Я немного подождал хотел услышать привычный шепоток, который подскажет как поступить.

Но Енох как назло отключился. Он всегда впадает в спячку... ну, после этого. Несколько дней его не добудишься, а я хожу сам по себе. Раньше-то я радовался такой свободе, но в тот момент – нет. Понимаете, мне нужна была его помощь.

Тем временем в дверь колотили все сильнее; дальше ждать становилось невозможно.

Я поднялся, открыл дверь.

В хижину ввалился старый шериф Шелби.

– Собирайся, Сет, – сказал он угрюмо. – Пойдешь со мной в тюрьму.

Я промолчал. Его маленькие черные глазки шарили по комнате. А когда этот колючий взгляд стал сверлить меня, я так перепугался, что захотелось куда-нибудь убежать и спрятаться.

Он, конечно, не мог увидеть моего Еноха. Ни один человек не способен на такое. Но тот был со мной, я чувствовал, как он пристроился на макушке, укрылся волосами, словно одеялом, вцепился в них. Спал как ребенок.

– Родные Эмили Роббинс сказали, что она хотела проехать через болото, – сказал старый Шелби. – Следы от шин ведут к зыбучим пескам.

Енох забыл предупредить об этих следах. Что я мог ответить? Вдобавок...

– Все, что вы скажете, может быть использовано против вас, – так объявил шериф. – Ну, пошли, Сет.

Я и отправился с ним. Ничего другого не оставалось. Добрались до города, и куча зевак попыталась открыть дверцы машины. Среди толпы я увидел женщин. Они визжали мужчинам, дескать, давайте, хватайте его!

Но шериф Шелби утихомирил всех, и наконец я, живой и здоровый, очутился в самом конце здания, где они держали заключенных. Он запер меня в средней камере. Остальные

две были пустыми, так что я снова оказался один. Ну конечно, со мной остался Енох, который проспал все представление.

С утра пораньше шериф куда-то отправился, и взял собой еще нескольких человек. Думаю, он хотел попытаться достать тело из песка. Он меня ни о чем не спрашивал. Не знаю, почему.

Вот Чарли Поттер, тот наоборот хотел знать все! Шериф Шелби оставил его за главного. Чарли принес мне завтрак, немного постоял рядом и задал целую уйму вопросов.

Но я молчал. Стану я разговаривать с придурком вроде Поттера! Он воображал, что я псих. То же самое думали те, которые бесновались на улице. И почти все в городе. Наверное, из-за матери, а еще потому, что я живу совсем один, окруженный болотом.

Да и о чем с ним толковать, с этим Поттером? О Енохе? Он все равно бы не поверил.

Так что я не говорил, а слушал.

Он рассказал о поисках Эмили Роббинс и о том, как шериф стал раскапывать давнишние дела о пропавших людях. Ожидается громкий процесс, и сюда заявится сам окружной прокурор. А еще он слышал, что ко мне пришлют доктора.

И действительно, не успел я позавтракать, как явился врач. Чарли Поттер заметил, как он подъезжает, и впустил. Пришлось ему проявить сноровку, люди, стоявшие у тюрьмы, чуть было не прорвались внутрь. Думаю, они хотели ме-

ня линчевать. Но доктор все-таки прошел благополучно – маленький, с такой смешной узенькой бородкой. Он велел Чарли подняться в дежурку, а сам присел на его место напротив меня, и мы стали беседовать.

Он просил называть его доктор Силверсмит.

До того времени я как бы онемел, не чувствовал ни страха, ничего.

Все случилось так быстро, что я не успел как следует подумать, собраться с мыслями.

Точь-в-точь обрывки сна, – шериф, толпа; всякие разговоры о суде и линчевании, тело в болоте...

Но как только появился доктор Силверсмит, я словно очнулся.

Он-то точно был из плоти и крови. По его внешности, манерам, разговору сразу понятно, что это настоящий лекарь, один из тех, которые хотели забрать меня в приют, когда нашли мою мать.

Он сразу и спросил, что с ней случилось. Кажется, доктор Силверсмит уже знал обо мне много разных вещей, оттого беседовать с ним оказалось просто и легко.

Я глазом не успел моргнуть, как разговорился. Рассказал о том, как мы с мамой жили в хижине. Как она готовила снадобья и продавала местным, о большом котле, и как мы собирали травы, когда темнело. И даже о тех ночах, когда она уходила на болота одна, и я слышал странные звуки, доносящиеся издалека.

Я не хотел говорить дальше, но он и сам все знал. Знал, что ее называли ведьмой. Знал даже; как она умерла. Тем вечером к нам пришел Санто Динорелли и ударил маму ножом, потому что она изготовила зелье для его дочери, а та убежала с охотником. Доктор Силверсмит знал и о том, что я с тех пор жил на болотах один.

Не знал он только об одном. О Енохе. Существо, которое живет у меня на голове, сейчас мирно спит и не ведает, что произошло со мной. А может, ему все равно...

Удивительно, но я стал рассказывать доктору Силверсми-ту о моем покровителе. Я хотел объяснить, что на самом деле не виноват в смерти той девушки. Так что пришлось упомянуть и Еноха, и то, как мама однажды ушла в лес и там заключила договор. Меня она с собой не взяла, – тогда мне было всего двенадцать, – просто захватила с собой немного моей крови в бутылочке.

Вернулась она с Енохом. Он теперь твой до скончания лет, сказала она, чтобы охранять и помогать, что бы ни случилось.

Я рассказал об этом очень подробно, объяснил, почему сейчас бессилён поступить вопреки его воле, ведь после маминой смерти Енох руководил мной.

Да, долгие годы он отводил любую беду, как она и хотела. Она заранее знала, что ее сын в одиночку не сможет приспособиться к жизни. Я как на духу выложил все доктору Силверсми-ту, потому что считал его мудрым и знающим чело-

веком, который поймет меня: я ошибся.

Это стало видно сразу. Доктор Силверсмит, наклонясь, внимательно слушал, поглаживал куцую бородашку и без остановки повторял: «Так, так...», – а тем временем сверлил меня глазами. Точь-в-точь, как люди из толпы. Недобрый взгляд. Любопытный и злой. Взгляд человека, который тебе не верит и хочет перехитрить.

Потом доктор Силверсмит начал задавать разные дурацкие вопросы. Сначала о Енохе, хотя, понятное дело, только притворялся, что поверил мне. Спросил, как я могу его слышать, хотя не вижу. Говорили со мной когда-нибудь другие голоса или нет. Как себя чувствовал, когда убил Эмили Роббинс, и не занимался ли потом... Даже в уме не хочу повторять, что он спросил! Вообще, он со мной говорил так, словно я... словно я псих какой-то!

Он только дурил меня, пытался убедить, что не знает о Енохе. И сам доказал это, когда поинтересовался, скольких еще я убил. А потом попытался вызнать, куда я дел головы.

Но больше ему меня обмануть не удалось.

Я только засмеялся и как в рот воды набрал.

Наконец ему надоело, он поднялся и пошел к выходу, качая головой. А я хохотал ему вслед, потому что доктор Силверсмит так и не узнал, что хотел. Он пришел, чтобы выведать все мамины секреты, мои секреты и секреты Еноха.

Но ничего у него не вышло, поэтому я так радовался. А потом лег и заснул. Проспал почти весь день.

Когда продрал глаза, у камеры стоял незнакомый человек с широким лицом, расплывшимся в улыбке, жирными щеками и добрыми глазами, в которых сверкали смешинки.

– Хэлло, Сет, – сказал он очень приветливо. – Решил немного вздремнуть, а?

Я поднял руки, ощупал макушку. Я не чувствовал Еноха, но знал, что он со мной, только еще не проснулся. Кстати, он очень быстро двигается, даже когда спит.

– Ну-ну, расслабься, – сказал толстяк. – Я тебя не обижу!

– Вас что, доктор послал?

Он от души рассмеялся.

– Ну конечно, нет, – ответил он. – Меня зовут Кэссиди. Эдвин Кэссиди. я прокурор округа, самый главный здесь. Как считаешь, могу я войти и присесть рядом с тобой?

– Но меня заперли.

– Шериф дал мне ключи.

Мистер Кэссиди вытащил их и открыл дверь камеры, зашел и сел рядом с лежаком.

– Вы не боитесь? – спросил я. – Я ведь вроде как убийца.

– Да ладно, Сет, – засмеялся мистер Кэссиди. – Конечно, не боюсь. Я знаю, что ты никого не хотел убить.

Он положил мне руку на плечо, и я не стряхнул ее. Теплая, мягкая, дружеская рука. На пальце большой перстень с бриллиантом, сверкавшим на солнце.

– Как там поживает твой приятель Енох?

Я даже подскочил.

– Ну-ну, все в порядке. Я встретил на улице нашего доктора, и он мне рассказал. Он совсем не понимает насчет Еноха, правда, Сет? Но ты и я – мы-то знаем правду.

– Он думает, что я спятил, – прошептал я.

– Ну, между нами, Сет, в то, что ты наговорил, сначала трудновато было поверить. Но я только что вернулся с болот. Шелби и его люди до сих пор не закончили там работать, и пару часов назад они нашли тело Эмили Роббинс. И остальных тоже. Выудили толстяка, маленького мальчика, какого-то индейца. Понимаешь, песок хорошо сохранил останки.

Я внимательно следил за его глазами, но в них только искрились смешинки. Я понял, что могу доверять мистеру Кэссиди.

– Если они продолжают искать, найдут и других, верно, Сет?

Я кивнул.

– Но я больше ждать не стал, потому что увидел достаточно, чтобы тебе поверить. Енох заставил тебя их всех убить, правда?

Я снова кивнул.

– Молодец, – сказал мистер Кэссиди, легонько пожимая мне плечо. – Видишь, мы отлично друг друга поняли. Поэтому я не осужу тебя за все, что ты сейчас скажешь, ведь виноват-то он.

– Что вы хотите знать? – спросил я.

– Ну, массу всяких вещей. Понимаешь, мне надо получше познакомиться с Енохом. Много людей он тебе велел убить? Сколько всего?

– Девять.

– Они лежат там, в песке?

– Да.

– Знаешь, как их зовут?

– Не всех, только некоторых. – Я назвал имена, потом объяснил:

– Иногда Енох просто описывает внешность и одежду, а я выхожу и встречаю их.

Мистер Кэссиди то ли закашлялся, то ли хмыкнул, и вытащил сигару. Я нахмурился.

– Не хочешь, чтобы я курил?

– Да, пожалуйста, мне это не нравится. Мама считала, что в сигаретах толку мало, и не разрешала мне.

Тут мистер Кэссиди громко рассмеялся, но сигару убрал, наклонился ко мне и доверительным шепотом произнес:

– Ты мне можешь здорово помочь, Сет; Думаю, ты знаешь, что такое окружной прокурор?

– Ну, это законник, он выступает в суде и вообще разбирается с разными делами. Правильно?

– Точно. И я собираюсь участвовать в твоём процессе, Сет. Теперь послушай. На суд придет куча народу. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя поставили прямо перед ними и заставили рассказывать о... обо всем?

– Нет, не хочу, мистер Кэссиди. Только не в нашем городе. Здесь люди ненавидят меня.

– Тогда сделаем вот что. Ты мне расскажешь, а уж я буду там говорить за тебя. Услуга за услугу. Договорились?

Как мне хотелось, чтобы Енох помог советом! Но он спал. Я посмотрел на мистера Кэссиди и сам принял решение.

– Да. Вам я доверяю.

И рассказал ему все, что знал.

Он вскоре перестал хмыкать. Ему просто стало так интересно, что он не хотел ни на что отвлекаться, боялся пропустить даже слово.

– Вот еще что, – произнес он наконец. – Мы выудили тела из болота. Эмили сумели опознать, и еще нескольких. Но нам будет легче работать, если мы узнаем еще кое-что. Ты мне можешь помочь, если скажешь, Сет, где их головы.

Я поднялся с лежака и отвернулся.

– Нет, этого я не скажу. Попросту не знаю.

– Как так не знаешь?

– Я даю их Еноху, – объяснил я. – Неужели неясно: именно из-за них я и должен убивать людей. Он хочет их головы.

– Зачем?

Я рассказал.

– Видите, даже если найдете их, они вам уже вряд ли пригодятся. Все равно там теперь ничего разобрать нельзя.

Мистер Кэссиди выпрямился и вздохнул.

– Почему же ты позволяешь Еноху творить такое?

– Вынужден. Иначе он то же самое сделает со мной. Так он всегда угрожает, когда я пытаюсь своевольничать. Он должен получить свое, ничего тут не поделаешь. Приходится подчиняться.

Пока я мерил шагами камеру, мистер Кэссиди не отрывал от меня взгляда, но не проронил ни слова. Он вдруг почему-то стал нервным и, когда я приблизился, вроде как отшатнулся.

– Вы, конечно, объясните им на суде, – сказал я. – Ну, насчет Еноха, и вообще...

Он потряс головой.

– Я ничего о нем не скажу, да и ты тоже. Никто не должен знать, что он существует.

– Почему?

– Я пытаюсь помочь тебе, Сет. Подумай сам, что скажут люди, если ты хоть заикнешься о Енохе? Они решат, что ты свихнулся. Ты ведь такого не хочешь, верно?

– Нет. Но как тогда вы поможете мне?

Мистер Кэссиди широко улыбнулся.

– Ты боишься Еноха, так ведь? Я просто думаю вслух. Что, если ты передашь его мне?

Я чуть не упал.

– Да! Скажем, я возьму Еноха прямо сейчас и позабочусь о нем во время суда. Тогда получится, что он действительно не твой, и не придется никому ничего говорить. Он-то сам наверняка не хочет, чтобы люди знали о его повадках.

– Да, верно, – отозвался я растерянно – Енох очень рассердится. Понимаете, он – наша тайна. Но нельзя отдать его в чужие руки, не спросив, – а он сейчас спит.

– Спит?

– Да, у меня на голове. Только вы его, конечно, увидеть не можете.

Мистер Кэссиди задрал голову, прищурился и снова хмыкнул.

– Не беспокойся, я все объясню твоему приятелю, когда он проснется. Как только он узнает, что это для общего блага, наверняка будет очень доволен.

– Ну ладно, тогда, наверное, все: в порядке, – вздохнул я. – Но вы должны обещать, что станете о нем заботиться.

– Ясное дело.

– А когда придет время, дадите что ему нужно?

– Конечно.

– И не скажете никому?

– Ни единой душе.

– Вы поняли, что случится, если откажетесь достать Еноху то, что он хочет? – предупредил я его. – Я ведь сказал, что он насильно возьмет это у вас самого?

– Ни о чем не беспокойся, Сет.

Тогда я застыл на месте, потому что почувствовал, как что-то скользнуло вниз по шее.

– Енох, – шепнул я. – Ты слышишь?

Да, он меня слышал.

Тогда я все объяснил ему. Сказал, почему передаю его мистру Кэссиди.

Енох молчал.

Мистер Кэссиди тоже не проронил ни слова, только сидел и ухмылялся. Думаю, немного странно я выглядел со стороны, словно говорил сам с собой.

– Иди к мистру Кэссиди, – шепнул я. – Ну, давай!

И тут Енох перебрался на новое место.

Я ощутил, как исчез привычный вес, слегка давивший на голову. Вот и все ощущения, но я знал, что он ушел.

– Чувствуете его? – спросил я мистера Кэссиди.

– Что... А, ну конечно! – объявил он и поднялся.

– Позаботьтесь о нем. Хорошо?

– Да, еще бы!

– Не надевайте шляпу. Енох их не любит.

– Извини, совсем забыл. Что ж, Сет, я должен с тобой попрощаться. Ты мне здорово помог, и с этой минуты давай-ка забудем о существовании Еноха, по крайней мере, пока суд не кончится.

– Я приду снова, и мы поговорим о предстоящем процессе. Наш общий знакомый, доктор Силверсмит, постарается убедить здешних, что ты псих. Думаю; теперь, когда Енох у меня, тебе надо отрицать все, что ты наговорил ему.

Отличная мысль. Я сразу понял, что мистер Кэссиди человек башковитый.

– Как скажете, мистер. Вы только обращайтесь с Енохом

хорошо, а он будет отвечать вам тем же.

Он пожал мне руку и ушел вместе с моим бессменным помощником. Я снова устал. То ли из-за сегодняшних переживаний, то ли потому, что чувствовал себя немного странно, ведь Еноха больше со мной нет. Я снова лег и спал довольно долго.

Когда я проснулся, было уже совсем темно. В дверь камеры барабанил старина Чарли Поттер. Он принес ужин.

Когда я поздоровался, он весь вздрогнул и отскочил от решетки.

– Убийца! Душегуб! – заорал он. – Они там вытащили девятерых из болота! Ах ты сумасшедший грязный ублюдок, чудовище!

– Да что ты, Чарли! Я-то всегда думал, что ты мне друг.....

– Псих несчастный! Я отсюда сваливаю. Оставлю тебя на ночь взаперти. Шериф позаботится, чтобы никто не ворвался и не вздернул тебя, хотя я бы на его месте особо не старался.

Потом Чарли выключил весь свет и ушел. Я услышал как хлопнула дверь, а потом лязгнул большой висячий замок. Кроме меня, во всей тюрьме не было ни души.

Совсем один! Такое странное чувство, ведь я почти всю жизнь ни разу не оставался без присмотра. Совсем один, без моего Еноха.

Я провел пальцами по волосам. Голова казалась такой

странной, непривычно голой, словно я вдруг облысел;

Сквозь решетку светила полная луна, я подошел к окну и стал глядеть на пустую улицу. Енох всегда любил такие ночи. Он преображался, становился бодрым. Беспокойным и ненасытным. Как-то ему живется сейчас, с мистером Кэссиди?

Наверное, я простоял довольно долго. Когда пришлось повернуться, подойти к решетке, – замок на входной двери вдруг громко лязгнул, – ноги совсем: онемели.

В тюрьму влетел бледный как смерть мистер Кэссиди.

– Сними его с меня! – крикнул он. – Сними скорее!

– Что стряслось?

– Енох, этот твой зверек... Я думал, ты спятил, а может, сам тронулся, уже не знаю... Только убери его, пожалуйста!

– Да что вы, мистер Кэссиди! Я же вам рассказал, какие у него повадки.

– Он сейчас ползает у меня по голове. Я его чувствую! И слышу... Господи, какие страшные вещи он шепчет мне!

– Но я ведь вам все объяснил, заранее: Еноху кое-что от вас надо, так? Вы сами знаете, что должны сделать. Придется дать ему это. Помните, вы обещали?

– Не могу. Я не стану убивать для него; он не сумеет заставить...

– Сумеет. И обязательно заставит.

Мистер Кэссиди вцепился в решетку.

– Сет, ты должен помочь мне. Позови Еноха. Возьми его назад. Сделай так, чтобы он перешел к тебе. Скорее!

– Хорошо, мистер Кэссиди.

Я обратился к Еноху. Он не ответил. Окликнул его снова.

Молчание.

Мистер Кэссиди заплакал. Меня это здорово потрясло, я от души пожалел его. На самом деле, он, как и остальные, ничегошеньки не понял. Я хорошо знаю, каково приходится, когда Енох начинает тебя обрабатывать. Сначала уговаривает, умоляет, а потом начинает угрожать...

– Лучше сразу соглашайтесь, – посоветовал я ему мягко. – Он уже объяснил, кого надо убить?

Но мистер Кэссиди меня не слышал. Он плакал все громче и громче. Потом вытащил из кармана ключи, открыл соседнюю камеру, зашел туда и защелкнул замок.

– Ни за что, нет, нет, – всхлипывал он. – Нет, не буду, не буду!

– Что вы не будете делать?

– Я не пойду в гостиницу к доктору Силверсмицу, не убью его, не отдам Еноху голову! Нет, я останусь здесь, в тюрьме, в безопасности. Ах ты чудовище, дьявол, слышишь, я не...

Он склонился набок. Сквозь разделяющую нас решетку я видел, как он скорчился, забился в угол и начал рвать на себе волосы.

– Не перечьте ему, – посоветовал я от души, – иначе Енох потеряет терпение и кое-что сделает с вами. Ну пожалуйста, мистер Кэссиди, а то будет поздно, скорее соглашайтесь, скорее...

Вдруг мистер Кэссиди протяжно застонал. Наверное, он потерял сознание, потому что перестал терзать свою голову и больше не произнес ни слова. Я окликнул его – он не ответил.

Что тут сделаешь? Я сел на корточки в темном углу и наблюдал, как красиво серебрит камеру лунный свет. От него Енох всегда становился совсем необузданным.

И тут мистер Кэссиди начал кричать. Не очень громко, скорее, глухо и протяжно. Он не дергался, не метался, – только кричал.

Я знал, что это Енох берет то, что ему нужно – у бедного мистера Кэссиди.

Что толку смотреть? Я ведь предупредил его, а Еноха никак нельзя остановить.

Так что я просто закрыл ладонями уши, чтобы не слышать, и тихонько сидел, пока все не кончилось.

Когда я наконец повернулся, он так же сидел в углу, прижавшись к железным прутьям. Полная тишина.

Нет, неправда! Тихое урчание, словно оно доносилось издалека. Так всегда выражает удовольствие мой спутник, когда сытно поест. А еще – едва различимый шорох. Скрежет крохотных коготков Еноха, это он балуется, потому что его накормили.

Звуки раздавались внутри головы мистера Кэссиди.

Да, точно, я слышал Еноха, и он был счастлив!

Я тоже почувствовал себя счастливым.

Просунул руку сквозь прутья, вытащил ключи и открыл дверь. Я снова свободен.

Теперь, когда мистера Кэссиди не стало, какой смысл торчать здесь? Енох тут тоже не останется. Я позвал его.

– Ко мне, Енох! Ко мне!

Тогда, единственный раз в жизни, мне удалось его увидеть, – нечто вроде белого сияния, как молния вылетевшего из большой красной дыры, которую он прогрыз в затылке у мистера Кэссиди.

А потом я ощутил, как; на голову мягко опустилось холодное как лед тельце, и понял, что Енох вернулся...

Я прошел по коридору, открыл дверь тюрьмы.

Крошечные лапки начали выплясывать на макушке свой причудливый танец.

Мы вдвоем пошли по ночным улицам. Луна ярко освещала дорогу, вокруг ни души, слышно только, как мой дружок довольно посмеивается, уткнувшись мне в ухо.